

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ ЭНТОМОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ)

Исследуются процессы семантической и словообразовательной деривации энтомонимов в русском и итальянском языках и выявляются основные направления и продуктивные модели процессов, в результате которых формируется метафорическое поле. Рассматриваются случаи многоступенчатой морфосемантической деривации, когда новая метафора развивает или модифицирует переносное значение, являющееся производящей основой. Анализ семантических и словообразовательных дериватов дает возможность охватить словарный фрагмент в полном объеме, наметить качественные и количественные различия данных языковых процессов и их роли в моделировании языковой картины мира.

Ключевые слова: языковая картина мира; сопоставительная лингвистика; метафора; семантическая деривация; словообразовательная деривация; энтомонимы.

Статья посвящена исследованию процессов семантической и словообразовательной деривации энтомологической лексики русского и итальянского языков.

Тесный характер связи между словообразовательной и семантической деривацией подчеркивался Ю.Д. Апресяном, Д.Н. Шмелёвым, в качестве смежного в лексикологии и словообразовании явления изучается явление метафорической мотивации [1, 2] и словообразовательной метафоры [3]. Под *деривацией* в лингвистике принято понимать «процесс создания одних языковых единиц (дериватов) на базе других, принимаемых за исходные, в простейшем случае – путем “расширения” корня за счет аффиксации или словосложения» [4]. Понятие семантической деривации включает в круг семантически близких лингвистических терминов: регулярная многозначность, вторичная номинация, полисемия, развитие семантической структуры слова, лексико-семантическое варьирование, языковое расширение. С производностью по своей сути тесно связан и сам процесс метафоризации: производные значения определяются посредством отсылки к семантике производящего.

Итак, процесс семантической деривации состоит в изменении содержательной части уже существующих слов, в переосмыслении семантики слова или одного из ее компонентов, что приводит к появлению номинативных единиц, соотносимых с другими фрагментами действительности. С точки зрения когнитивного подхода семантическая деривация представляет собой познавательный процесс, связанный с попыткой постижения сущности определенного объекта действительности и отражающий особенности мышления человека, пути познания мира, способы языковой концептуализации действительности, характерные для того или иного социума в определенную эпоху.

При анализе тематической группы (ТГ) энтомонимов можно выявить как механизм собственно семантической деривации, так и механизм деривации морфосемантической, связанной с процессами словообразования. Процессы словообразования имеют прямую связь с семантикой, так как аффиксы привносят определенное значение, усложняя тем самым значение базового, производящего слова. Семантика новой метафоры выводится комплексно из метафорической семантики производящего слова и из типовой семантики

суффикса (нейтральные и эмоционально-оценочные суффиксы). Новая метафора несет как семантические признаки производящей метафоры, так и семантику словообразовательной модели.

В качестве источника материала были использованы данные словарей русского и итальянского языков [5–12], а также текстовые материалы Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [13].

Итак, для данной статьи были отобраны 18 номинаций энтомонимов в каждом из языков. Критерием отбора является продуктивность номинаций с точки зрения процессов метафоорообразования. Дериваты от этих номинаций были получены нами в результате сплошной выборки, проведенной по данным «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова [5] и «Словаря итальянского языка» Сабатини Колетти [6]. Их количество – 71 единица в русском языке и 69 – в итальянском. Исходя из анализа словарного материала и контекстов НКРЯ, мы выявили, что переносными значениями обладают 22 единицы в русском языке и 54 в итальянском. Как показывают приведенные цифры, процесс словообразовательной деривации актуален для обоих языков, но образование переносных метафорических значений более характерно для итальянского языка.

Выявленные метафоры русского и итальянского языков можно условно подразделить на 2 группы в зависимости от направления процесса деривации: от насекомого – к человеку или предмету и от человека / предмета – к насекомому.

1. В сфере собственно семантической деривации самый частотный процесс как в русском, так и в итальянском языках – радиальный тип полисемии, при котором от первого значения номинации насекомого образуются переносные значения на основе одной или нескольких характеристик насекомого.

Обратимся к русским примерам:

жук – а) насекомое с жесткими надкрыльями, защищающими летную пару крыльев; б) ловкий, хитрый человек, не брезгающий ничем ради наживы; плут, проныра; в) *разг.* вентилятор в блоке питания; г) *устар.* небольшое выпуклое металлическое украшение для переплетов древних книг, конской упряжи и т.п. [7].

букашка – а) небольшое насекомое, маленький жук; б) *разг.-сниж.* незаметный, маленький человек;

в) *разг.* ласкательное название троллейбуса, имеющего вместо номера индекс «Б» [7].

В итальянском языке:

vespa (оса) – а) насекомое, напоминающее пчелу, но с более утонченным телом и более яркой черно-желтой окраской; б) раздражительный недоброежелательный человек; в) коммерческое наименование малолитражного мотоскутера, производящегося в Италии, созданное зарегистрированной торговой маркой [8. С. 2076].

Семантическая деривация цепочечного типа в анализируемой нами ТГ не встречается в русском языке и обнаруживается только один случай в итальянском языке:

личинка (larva) – 1. Начальная стадия развития животных, подверженных превращениям / метаморфозам: *личинка бабочки*. 2. Человек в плохом физическом состоянии, худой и исхудалый, изнуренный. 3. Человек, учреждение, лишённые достоинства и престижа [6. С. 1368].

2. Иной тип семантической деривации отличается направлением метафоризации и характеризуется обратным расположением лексико-семантических вариантов в структуре полисеманта-наименования насекомого, когда значение «насекомое» является вторичным и образуется по аналогии с внешним видом, формой, цветом или поведением объекта или человека (такие лексемы, как *богомол, могильщик, усач*). Обратимся к примеру в русском языке:

Усач – 1. *Разг.* Человек с усами (обычно густыми или длинными). *На ружья оперишься, кругом Стояли усачи седые* (Лермонтов. Валерик). *Вышел маленький усатый человек и сказал, что директор – принять “делегатов”, к сожалению, не может. При этом усач расхохотался и подмигнул машинистке* (Горбатов. Мое поколение). 2. Речная рыба сем. карповых. 3. То же, что дровосек (во 2-м знач.) [9. Т. 4. С. 515].

В данном и подобных примерах первичным значением является «человек по роду деятельности или обладающий определенными отличительными признаками», метафорическое энтомологическое значение – вторично.

То же наблюдаем и в итальянском языке (*bombo* (шмель), *forbicina* (уховёртка), *punteruolo* (долгоносик / слоник):

Bombo (шмель) – м. р. ед. ч. (от лат. *bombus*, от греч. βόμβος «шум, гул; непрерывное жужжание, гудение») – 1. *книж.* Громыканье, гул, глухой шум (звук грома, артиллерийских снарядов); непрерывное жужжание, гудение. 2. а. Род перепончатокрылых насекомых семейства слепней, включающий виды приземистые и мохнатые, которые могут жить как на уровне моря, так и на значительной высоте в горах; питаются нектаром цветов [10].

Метафорическое поле энтономимов формируется благодаря рассматриваемым процессам семантической и словообразовательной деривации и их взаимодействию. В центре поля находятся метафоры-существительные, образованные от наименований насекомых и становящиеся производящими основами для большинства дериватов.

Процесс формирования метафорического поля на этом не останавливается: вновь образованные метафоры могут становиться производящей основой как для

следующих переносных значений, так и для словообразовательных дериватов, также имеющих метафорическую семантику. Так, от различных метафорических значений образуются словообразовательные или, точнее, морфосемантические дериваты в обоих рассматриваемых языках. Однако мы можем отметить, что в анализируемой нами ТГ этот процесс не характерен для русского языка, в то время как в итальянском языке он очень распространен и значим. В этом состоит существенное различие в количественном и качественном составе метафорических полей в двух языках.

В русском языке самую многочисленную группу дериватов, образованных от энтономимов, представляют следующие диминутивы: *блошка, букашечка, вошка, жучок, клещик, клопик, комарик, комаришка, мушка, паучок, паучишка, пчелка, пчелочка, стрекозка, червячок* и т.п. В большинстве случаев метафорическое значение «наследуется» дериватом от производящего слова, а словообразовательный формант добавляет только оттенок, связанный с уменьшительно-ласкательной или, напротив, снисходительно-уничтожительной семантикой, значительных же семантических сдвигов не происходит (*клоп* и *клопик* – о ребенке). Отметим, что уменьшительный суффикс не передает в большинстве случаев семантику уменьшительности: насекомые и так маленькие, здесь говорящий выражает дополнительные, субъективные смыслы.

В некоторых случаях прибавление суффикса с уменьшительно-ласкательным значением провоцирует образование новой метафоры, где заменяется объект сравнения (*жук* – о человеке, *жучок* – уходит из сферы характеристики человека и переходит в сферу номинации (и, возможно, частичной характеризации) артефактов): *Во! Пара – двугривенный! Один старый узбек продавал. Он, жук, что выдумал – все в кучу свалил, они, видать, все разные, брак какой-то* (Д. Рубина. Любка) и *Младший быстро открыл мембрану телефона и всунул в нее крохотный жучок, потом установил второй жучок за стойкой с клетками* (З. Юрьев. Смертельное бессмертие // Наука и жизнь. 2007) [13].

В процессе словообразовательной деривации может происходить перегруппировка сем, к примеру, дериват *паучок* теряет семантику «кровососа»: «...*Вы эксплуататор, паук, из-за вашего кровопийства я живу в нищете, у меня нет ни хлеба, ни дров...*» и т.д. (К.И. Чуковский. Короленко в кругу друзей) [13] и *А самолет висел в небе высоко, как паучок на невидимой паутине* (М. Шишкин. Письмовник // Знамя. 2010) [13]. Изменениям может подвергаться и коннотативный компонент лексического значения деривата. Так, например, в русском языке есть метафора *пчела* – о трудолюбивом человеке, дериват *пчелка* употребляется чаще и оценка может быть амбивалентной: *И прямо каждый день появляются новшества – и фонтанчик во дворе и дорожки (хозяйин трудится, как пчелка, построил дом совершенно своими руками за 4!* (О. Ляпунова. Отчетлоция о путешествии в Крым) [Там же] или *Пусть он один, как пчелка, пашет, пока ты дурью маешься* (Н. Леонов. Лекарство от жизни) [Там же].

Часть энтономимов в современном русском языке формально содержат уменьшительный суффикс как способ их образования, этот суффикс теперь не выде-

ляется как самостоятельная морфема *кузнечик, бабочка, мотылек* (нет противопоставления *кузнец – кузнечик, баба – бабочка, мотыль – мотылек*). В итальянском языке также существуют номинации, по происхождению являющиеся диминутивами, в которых суффикс уже не выделяется (*moscerino* – мошка).

Еще одну модель образования метафор от энтонимов представляют имена существительные, которые образуются при помощи суффикса *-ник* и обозначают типичное место обитания насекомого, например: *клоповник* «место в жилом помещении, где расплодились клопы, а также само такое помещение (разг.)», как правило, грязное, где человеку неприятно находиться: *не квартира, а клоповник* [11. С. 278]; *Так их [старые дома] безжалостно жгут... – И правильно! Чего их жалеть, клоповники эти?* (Ю. Трифонов. Вера и Зойка) [13]; *Хозяин показывает нам страшный клоповник, в котором на полу валяются грязные одеяла* (Б. Ефимов. Десять десятилетий) [13], или *муравейник* – надземная часть жилища муравьев в виде конусообразной кучи из земли, хвои и т.п., жилище муравьев. *Около старой ели я увидел большой муравейник, сложенный из мелких веточек, кусочков древесной коры и сухой хвои* (Арсеньев. Сквозь тайгу) || *обычно с определением*. О множестве хлопотливо снующих людей *Работа кипела у амбаров Шипикина когда Чилигин подходил туда – Всем этим муравейником управлял приказчик* (Каронин-Петропавловский. Праздничные размышления) [9. Т. 2. С. 311].

На примере последнего случая покажем несколько вариантов развития семантической структуры: *муравейник* – густонаселенный дом, а также его жители: *муравейник* (жилище насекомых) → густонаселенный дом (метафора); *муравейник* → муравьи (весь *муравейник переполошился*) (метонимия); *муравейник* «густонаселенный дом» → жители такого дома (метонимия).

Глагольные дериваты от энтонимов, обладающие переносным метафорическим значением, в русском языке практически не образуются (*пчелиться – разг., ирон.* Работать как пчелка; *стрекозить – разг.* Быть очень живым, непоседливым; *егозить* [7] – оба глагола образованы от метафорического переносного значения энтонима). Немногочисленная группа «энтомологических» глаголов образуется благодаря действию других механизмов языка: в основе лежит звукоподражание (*жужжать, стрекотать, гудеть, зудеть, трещать*): *стрекотать* – 1. Производить, издавать стрекот. *Сороки стрекочут. Кузнечики стрекочут. Кинопроектор стрекочет. Стрекошет швейная машинка.* 2. Разг. Говорить быстро, без умолку; болтать. *Хватит с., пора спать идти* [9. Т. 4. С. 285]; *жужжать* – несов. Производить однообразно дребезжащий звук крыльями при полете (о насекомых). *Вот имель жужжит около цветка и вползает в его чашечку* (И. Гончаров. Обломов). *Муха билась об оконное стекло и настойчиво жужжала* (Куприн, Болото). || Быстрым полетом, движением производить подобный звук. *Пули жужжат, сидит княгиня рядом За пряжей за своей; Кружась, жужжит и пляшет Ее веретено* (А.К. Толстой. Сватовство). *Мерно жужжали станки, и, так же мерно вызванивая, ложились на тележки готовые детали* (Караваева. Разбег). || *перен.* Разг. Надоедливо повторять, твердить что-л. [*Марфа Ивановна:*] Ты, дьявол,

мне жужжала поминутно про эти адские средства. Лермонтов, Menschen und Leidenschaften. *Все знают, что вы и ведать не хотите о существовании «Отечественных записок», хотя только об них и жужжите* [9. Т. 1. С. 488].

Производные прилагательные обычно не имеют метафорических значений, в противном случае переносные значения, являясь фразеологически связанными, всегда реализуются через сочетание с определенным существительным, как например: *осиная талия* «перен. очень тонкая» [11. С. 788], *тараканьи усы* «тонкие и торчащие» [Там же. С. 789], *комариные укусы* «перен. мелкие но чувствительные обиды» [Там же. С. 286], *осиное гнездо* «перен. О скоплении или тайной организации злобствующих врагов, недоброжелателей», т.е. о месте, где все воинственно настроены, агрессивны [Там же. С. 460]; *комариный* – «устар., шутол. непомерно малый» [12].

Итак, в русском языке в качестве основных деривационных механизмов в области энтомологической лексики можно выделить: образование диминутивов, которое обычно не приводит к значительным изменениям семантики метафорической единицы, образование существительных с семантикой «место обитания», образование прилагательных, проявляющих свое переносное значение в устойчивых сочетаниях.

В итальянском языке, в отличие от русского, процесс словообразовательной деривации очень распространен и продуктивен.

Суффиксы, при помощи которых образуются производные существительные ТГ «Насекомые» в итальянском языке, следующие: *-mento, -ata, -tore, -eccio, -ino/ina, -one, -aio, -etto, -olume, -eria*.

Самый продуктивный суффикс *-aio*, используется для производства слов, называющих как место обитания, так и скопление, образованных прежде всего от наименования указанных животных: *cimiciaio* (клоповник), *formicaio* (муравейник), *formicolaio* (муравейник), *moscaio* (рой мух), *pulciaio* (блошиное гнездо), *vespaio* (осиное гнездо). Данный суффикс продуктивен для этой ТГ: от денотативного значения «место, полное X» образуются коннотативные значения, указывающие на место обитания / скопления людей.

Рассмотрим этапы словообразовательной и семантической деривации на примере метафоры *moscaio* (рой мух). Производящей основой является слово *mosca* (муха), от которого образуется номинация места, полного мух *moscaio*. Далее происходит метафорическое переосмысление номинации на основе сем 'большое количество', 'быстрое передвижение', 'надоедливое жужжание' – появляется метафора *moscaio* «перен. совокупность людей, которые мечутся, суетятся и создают беспорядок, путаницу» [6. С. 1603]. Следующей ступенью деривации является образование на основе сем 'хаотическое передвижение', 'надоедливое жужжание' и ассоциативно выводных 'беспокойство' и 'раздражение' метафоры *moscaio* со значением «сильное беспокойство» [8. С. 1181].

Другой очень продуктивный суффикс в итальянском языке – суффикс *-one* с увеличительным значением: *cicalone* (большая цикада), *farfallone* (большая бабочка), *formicone* (большой муравей), *luciolone* (боль-

шой светляк), *moscone*, *ronzone* (большая муха), *sfarfallone* (большая бабочка), *vespone* (большая оса). Отметим, что в русском языке наблюдается похожий, однако семантически противоположный процесс – образование уменьшительных существительных (см. примеры выше). В итальянской языковой картине мира при помощи такой словообразовательной модели выражается идея, связанная с интенсивностью, чрезмерностью проявления признака. Речь идет о суффиксе со значением, характеризующим субъект, оно сводится к характеристике человека на основе особых качеств или, лучше было бы сказать, на основе его физических и моральных дефектов, привычного образа жизни и поведения: *farfallone* «ненадежный и непостоянный, легкомысленный в любовных отношениях человек» [6. С. 926], *cicalone* «тот, кто много говорит, болтун» [Там же. С. 469]. Здесь расширение метафорической семантики «отталкивается» от переносного значения, уже присутствующего в базовом наименовании: *farfalla* (бабочка) «перен. поверхностный и легкий человек, непоследовательный и непостоянный, легкомысленный в чувствах и мнениях» [Там же. С. 926], *cicala* «перен. тот, кто непрерывно болтает» [Там же. С. 469].

Суффикс *-one* добавляет гендерную характеристику, которая в производящем слове не присутствует: метафорические наименования *farfalla*, *cicala* могут относиться как к мужчине, так и к женщине, тогда как метафоры *farfallone* (франт, донжуан; ляп) и *cicalone* (болтун) употребляются только по отношению к мужчинам, поддерживая и подчеркивая негативную характеристику поведения.

Семантика увеличительности, выражаемая суффиксом *-one*, развивается и модифицируется в многоступенчатом процессе словообразовательной и семантической деривации, образуя значения: «большая нелепость», «новость, привлекающая внимание»: *sfarfallone* «большая ошибка или нелепость, прежде всего языковая, ляп» [8. С. 1745], *moscone* «в языке журналистов, короткая новость хроники, которая объявляет о получении диплома или о награде, рождении, свадьбе и т.д.» [Там же. С. 1181]. Здесь семантическое обоснование расширения менее ясно. Кроме того, данные переносные значения базируются и на присущих референту (самому насекомому) ассоциативных признаках: *бабочка* – подвижное и легкое насекомое, как и легковесный разум того, кто произносит что-то неуместное, нелепость, вздор; метафора *moscone* связана с мифами, верованиями и собственными традициями итальянского народа, в представлении которого залетевшая в дом муха – предвестник предстоящей хорошей новости. Отметим амбивалентность коннотативного содержания анализируемых единиц.

Суффикс *-mento* (*cicalamento* – болтовня, *sfarfallamento* – порхание; мерцание (лампы дневного света); мигание (изображения); вибрация; дрожание; колебание; биение) указывает на отвлеченное действие, связанное с производящей основой. В нашей ТГ присутствуют следующие дериваты с данным аффиксом: *cicalamento* «действие по глаголу ‘постоянно, непрерывно и скучно болтать’; болтовня», «длинная пустая, легкомысленная речь» [8. С. 374] и *sfarfallamento* «непрерывное дрожание, колебание» «переменчивое,

непостоянное, легкомысленное поведение» [Там же. С. 1745]. В данном случае дериваты семантически мотивированы переносными значениями глаголов, от которых образованы: *cicalare* «перен. много говорить о чем-то пустом, легкомысленном» [Там же. С. 374] → *cicalamento* со значением «действие по глаголу *cicalare*» [Там же], и *sfarfallare* «перен. говорится преимущественно о неоновой лампе, мерцании, а также о моторах и механических частях, вибрирующих ненормальным образом» [Там же. С. 1745] → «перен. быть непостоянным, непоследовательным во вкусах, мнениях, поведении; вести себя легко и переменчиво» [Там же] → *sfarfallamento* со значением «действие по глаголу *sfarfallare*» [Там же].

Для производных с суффиксом *-ata* (*cicalata* – скучная бесконечная болтовня) производящей основой также является глагол, а семантика деривата – «действие по глаголу». Например, дериват *cicalata* – «длинная, пустая, легкомысленная и бесполезная речь» [8. С. 374] от глагола *cicalare*. Обычно этот суффикс придает значению негативную оценку действия и иронический оттенок.

Что касается уменьшительных суффиксов *-ino / -ina* (*cicalino* – болтун, надоеда, прилипала, *farfallina* – переменчивая и несерьезная девушка, *farfallino* – поверхностный, легкий человек; мотылек, *vespino* – маленький мотоцикл, *-eccio* (*cicaleccio* – болтовня, стрекотня) и *-etto* (*pidocchietto* – клоповник, барак), то здесь следует отличать случаи, при которых суффикс используется как формант, лишь модифицирующий значение базового слова (как, например, суффиксы увеличительной семантики или уменьшительно-ласкательные), и те случаи, когда, напротив, названный суффикс ведет к образованию семантически трансформированного деривата.

Например, существительные *farfallino* «поверхностный и легкий человек, непоследовательный и непостоянный во взглядах» [8. С. 703] и *farfallina* «переменчивая, непостоянная и несерьезная девушка» [6. С. 926], представляющие собой результат трансформации метафорического значения слова *farfalla* «непостоянный человек, который легко переходит от одной любви к другой» [Там же], которые не добавляют ничего нового к этой метафоре, кроме гендерного признака и смягчения негативного коннотативного значения. Существительное *cicaleccio* «шумная болтовня большого количества людей на пустые, легкомысленные темы» [8. С. 374] демонстрирует изменение глагольного деривата *cicalare* «перен. говорить много о пустом, на несущественные темы, болтать» [Там же], где суффикс *-eccio* добавляет значение незначительности, маловажности, типичное для этого суффикса также и в словах других ТГ.

Другой случай представляет собой дериват *cicalino* (зуммер) «электрокаустическое сигнальное устройство» [8. С. 374], образованный от энтомонима *cicala* (цикада), это дериват с существительными смысловыми отличиями по отношению к базовой производящей лексеме. Семантическая мотивация в данном случае основана на звуковом восприятии сходства между издаваемым насекомым звуком и сигналом электрического звонка, который воспринимается как гудящий, жужжащий. В данном случае метафора переносится в

другую денотативную область. То же происходит и в случае с номинацией *pidocchietto* (клоповник, барак) «маленькое по виду место (гостиница, театр, кинозал) самого низкого, последнего порядка» [8. С. 1375], образованной при помощи уменьшительного суффикса *-etto*. Мы обнаруживаем, напротив, не диминутив от существительного *pidocchio* (вошь) – «маленькая вошь», но самостоятельное, отдельное производное. Семантическая мотивация ясна и заключается в следующем: слово образуется от метафорического значения *pidocchio* на основании семы ‘несчастный, жалкий убогий, самый низкий, последний’ при помощи уменьшительного суффикса *-etto*, который используется, поскольку место, названное таким образом, обычно не большого размера.

При помощи суффикса *-io* образуются дериваты со значением имени, указывающего на непрерывное, непрекращающееся действие: *cicalare* «перен. говорить много о пустом, на несущественные темы, болтать» [8. С. 374] → *cicalio* «продолжительная, непрерывная болтовня одного или нескольких человек» [Там же], *formicolare* «кишеть; быть онемевшим» [Там же. С. 752] → *formicolio* «кожное ощущение, похожее на то, которое вызывается контактом с муравьями, онемение конечностей» [Там же] (от слова *formica* ‘муравей’, ср. в русском – *мурашки бегут*), где производные сохраняют присущее глаголам метафорическое значение, но посредством суффикса *-io* добавляется значение «продолжительный характер действия или состояния».

Суффикс *-tore* имеет значение «имя, указывающее на исполнителя действия, названного производящим глаголом + мужской род»: *cicalare* «перен. говорить много о пустом, на несущественные темы, болтать» [8. С. 374] → *cicalatore* «тот, кто только болтает, говорит ни о чем, надоедливый болтун и сплетник» [Там же].

При помощи суффикса *-olome* в дериваты привносится характеристика действия как неточного и беспорядочного. К примеру, в рассматриваемой нами ТГ дериват *formicolome* «кишение» [8. С. 752] образуется от метафорического значения глагольного деривата *formicolare* «кишеть, копошиться – о людях или насекомых, которые двигаются сбивчиво, исступленно, мечутся» [Там же].

Суффикс *-eria* (*pidocchieria* – скупость, скаредность) в словах нашей ТГ сохраняет свое пренебрежительное значение, которое характеризует опасное, вредоносное действие: *pidocchieria* «действие, недостойное из-за убогости и мелочности» [8. С. 1384]. Способ словообразования при помощи данного суффиксом малопродуктивен.

Производные прилагательные, хотя и представлены в исследуемой лексической группировке, но находятся в меньшинстве по сравнению с производными существительными и глаголами. Это, например, такие прилагательные, как: *assillante* (мучительный), *bacato* (поврежденный, подточенный, больной; порочный), *formicolante* (кишащий, полный), *pidocchioso* (скупой, скаредный), *tarmato* (изъеденный). Производные прилагательные с энтомологическим значением в итальянском языке можно разделить на две группы в зависимости от частеречной принадлежности производящего слова:

прилагательные, образованные от имен существительных, и прилагательные, образованные от глаголов.

От имен существительных прилагательные данной ТГ образуются в основном при помощи суффикса *-oso* со значением «полный того, что названо производящей основой»: *pidocchio* (вошь) «скупой, мелочный человек» [8. С. 1384] → *pidocchioso* «несчастный, жалкий, отверженный, убогий человек, бедняк, нищий; скряга, скупой» [Там же. С. 1385].

От глагольных основ образуются прилагательные при помощи суффиксов *-ante* и *-ato*. Например: *assillo* (овод) «непрерывная и мучительная, беспokoящая мысль» [6. С. 197] → *assillare* «мучить, доводить до исступления» [Там же] → *assillante* «такой, который мучает, доводит до исступления» [Там же]. Продуктивным является суффикс *-ato*, который в прилагательных указывает прежде всего на отличительные черты и характеристики субъекта, к которому относится дериват: *baco* (червь, червяк, гусеница, личинка) «внутренне мучение из-за неотстающего чувства» [Там же. С. 241] → *bacare* «портить, вредить, особенно морально» [Там же. С. 239] → *bacato* «перен. морально испорченный» [Там же. С. 197].

Суффиксальное образование глаголов от существительных и прилагательных продуктивно; используются в качестве словообразующих формантов суффиксы *-are*, *-eggiare*.

Суффикс *-are* – самый продуктивный суффикс в образовании глаголов: *assillo* (1. овод, 2. перен. страстное желание, стремление, неотступная мысль) – *assillare* (мучить, доводить до исступления, докучать), *baco* (червь, червяк, гусеница, личинка; 3. перен. изъян, дефект) – *bacare* (развращать, портить), *bofonchio* (тоск. шершень) – *bofonchiare* (ворчать), *cicala* (цикада) – *cicalare / cicalecciare* (болтать, стрекотать, судачить), *farfalla* (бабочка) – *sfarfallare* (порхать, легкомысленно вести себя; болтать глупости; мерцать, мигать (чаще – о лампах дневного света)), *grillo* (сверчок) – *grillare / grillettare* (кипеть, шипеть (о масле на сковороде); шипеть, бродить (о вине)), *formica* (муравей) – *formicolare* (кишеть, изобиловать, неметь), *luciolola* (светляк, светлячок) – *luciololare* (блестеть, сверкать как светлячок; плакать горячими слезами (редко)), *pecchia* (устар. пчела) – *pecchiare* (сосать, жадно пить), *pidocchio* (вошь) – *impidocchire* (впасть в нищету, в ничтожество), *pulce* (блоха) – *spulciare* (сверять, выверять (текст, например)), *saltabecca* (саранча) – *saltabeccare* (подпрыгивать, прыгать, резвиться, скакать), *tafanare* – жалить; искать, рыться, *tarma* (моль) – *tarmare* (есть, съедать). Данный суффикс служит для образования в основном переходных глаголов от производящих основ разных типов: от существительных, прилагательных, простых, производных или составных. Дериваты на *-are* могут принимать ироническое, шутовское значение.

Суффикс *-eggiare* (*farfalleggiare* – порхать) часто характеризуется экспрессивным значением, имеет в своем значении ироническую коннотацию, поэтому является продуктивным и распространенным прежде всего в неформальных стилях и ситуациях общения. Глаголы на *-eggiare* по большей части непереходные, но встречаются также и переходные. Обычно они имеют значение «повторяющийся, продолжительный характер действия, его постоянство». Сравним:

farfalleggiare «перемещаться туда-сюда, перепархивать, как бабочка» и «быть непостоянным во вкусах, мнениях, поведении» [6. С. 927]. В данных дериватах реализуется словообразовательная модель «вести себя подобно X (подобно тому, кто назван производящей основой)», причем здесь происходит семантическое осложнение: в качестве производящего слова выступает слово с метафорическим значением, от которого при помощи суффикса образуется еще одна метафора.

На основании вышесказанного, можно сделать следующие выводы. Процесс семантической деривации является актуальным в обоих языках. От прямого номинативного значения образуются новые переносные значения на основе одной или нескольких характеристик, которые могут быть представлены в производящем значении или могут являться ассоциативными признаками, связанными с производящим значением (характеристиками, особенностями самого насекомого: его внешнего вида, поведения, способа передвижения, издаваемого им звука). В связи с этим можно говорить о двух типах метафор – денотативных и ассоциативных [14]. Следует отметить, что в итальянском языке процесс семантической деривации более продуктивен, чем в русском: от производящего значения образуется не одно метафорическое переносное значение, а несколько (в большинстве случаев это радиальный тип полисемии), в то время как в русском языке столь разветвленный и многоступенчатый процесс – явление редкое, обычно образуется только одно метафорическое значение.

В русском языке количество словообразовательных дериватов, обладающих переносным значением, незна-

чительно для организации этого фрагмента словаря. В итальянском языке, напротив, данный процесс очень продуктивен: насчитывается значительное количество дериватов, обладающих переносным значением, большая часть которых – имена существительные и глаголы.

Метафорические значения существительных – словообразовательных дериватов можно назвать модификационными, поскольку они лишь уточняют, детализируют семантику производящего слова, углубляя его значение и придавая ему новые характеристики, типичные для прибавляемого аффикса (например, суффиксы с увеличительным значением подчеркивают грубость, весомость, «тяжесть» характеристики, диминутивы, напротив, смягчают оценочную семантику и т.п.). Результаты проведенного анализа показывают заметное присутствие оценочного фактора – для большей части значений эта оценка является негативной.

Процесс метафоризации охватывает множество слов: метафорические номинации образуются как от прямого значения производящего слова, так и от переносного. В последнем случае формируется метафорическая цепочка: метафорическое значение образуется от значения, уже являющегося переносным (*cicalare* – *cicalone* – *cicalino*). Синтез результатов словообразовательных и семантических процессов приводит к тому, что в итальянском языке образуется разветвленная сеть метафорических номинаций энтомонимов, связанных не только семантически, но и формально, что свидетельствует о значимости данного фрагмента действительности в итальянской языковой картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лопатин В.В. Метафорическая номинация в русском языке // Актуальные проблемы русского словообразования : сб. ст. Ташкент, 1975. С. 200–219.
2. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
3. Козинец С.Б. Словарь словообразовательных метафор русского языка. Саратов : Саратовский источник, 2011.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://www.tapemark.narod.ru/les>
5. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. М., 1996.
6. *Dizionario Italiano* Sabatini Coletti. Milano, 2005.
7. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. URL: <http://www.dic.academic.ru/contents.nsf/efremova>
8. Zingarelli N. *Vocabolario della lingua italiana*. Bologna, 2007.
9. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1985–1988.
10. *Vocabolario* Treccani.it. URL: <http://www.treccani.it/vocabolario>
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
12. Ушаков Д.Н. Толковый словарь. URL: <http://www.dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov>
13. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html>
14. Складневская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 2004.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 6 декабря 2013 г.

Mussi Veronica. Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation) DOI: 10.17223/15617793/378/6
SEMANTIC AND WORD-FORMATIVE DERIVATION OF ENTOMOLOGICAL LEXICON (BASED ON THE RUSSIAN AND ITALIAN LANGUAGES)

Key words: linguistic picture of the world; contrastive linguistics; metaphor; semantic derivation; word-formative derivation; insects.
This article aims to the analysis of the processes of semantic and word-formation derivation concerning the entomological lexicon in the Russian and Italian languages. The study of these processes shows the way insect metaphors form. Nouns providing bases for semantic and word-formative derivatives of different parts of speech are at the core of the metaphorical field of insects in both languages. From the semantic point of view, the centre of the metaphorical field of insects is formed by anthropomorphic metaphors, establishing a similarity between humans and insects. The article examines the cases of interactions of word-formation and semantic derivation. Figurative meaning can be formed in different ways: 1) by semantic derivation (metaphorical or analogical transfer type), 2) by word-formative derivation coming directly from the word meaning and changing its semantics, 3) by word-formative derivation of figurative meaning of the word. Thus, metaphorical categories can be formed by both the literal meaning of the generating word, and the figurative one. The metaphorisation process takes the whole family of words in, and is not always limited to one derivational step. In the latter case, it forms a metaphorical chain (*cicalare* – *cicalone* – *cicalino*). The results of this analysis show a remarkable presence of the

evaluating factor – evaluation is negative for most of the meanings. In the Russian language, the word-formative derivatives with a figurative metaphorical meaning are scanty and their amount is negligible to organize the given fragment of the dictionary. Basically, they are diminutives (*клопик, klopik (small bug), блошка, blosyka (small flea), пчелка, pchyolka (small bee), etc.*), nouns with spatial semantics (*клоповник, klopovnik (bug-infested place), муравейник, muraveinik (ants' nest)*), adjectives associated with phraseological meanings (*осиный, osiny (wasp), комариный, komariny (mosquito), etc.*) and some verbs (*пчелиться, pchelitsa (to work like a bee), стрекозить, strekozit (to stir like a dragonfly)*). In the Italian language, on the contrary, this process is very productive: there is a significant number of derivatives having a figurative meaning, most of which are nouns and verbs. Ramified and multistage process is a proper characteristic of the Italian language, while in Russian it mostly forms one figurative meaning. A synthesis of the results concerning word-formative and semantic processes leads to the fact that in the Italian language a developed system of the metaphorical categories of insects is formed. They are not only semantically related, but also formally, emphasizing the importance of this fragment of reality in the Italian linguistic picture of the world.

REFERENCES

1. Lopatin V.V. Metaforicheskaya nominatsiya v russkom yazyke // Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya : sb. st. Tashkent, 1975. S. 200–219.
2. Zemskaya E.A. Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'. M., 1992.
3. Kozinets S.B. Slovar' slovoobrazovatel'nykh metafor russkogo yazyka. Saratov : Saratovskiy istochnik, 2011.
4. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. URL: <http://www.tapemark.narod.ru/les>
5. Tikhonov A.N. Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka : v 2 t. M., 1996.
6. Dizionario Italiano Sabatini Coletti. Milano, 2005.
7. Efremova T.F. Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka. URL: <http://www.dic.academic.ru/contents.nsf/efremova>
8. Zingarelli N. Vocabolario della lingua italiana. Bologna, 2007.
9. Slovar' russkogo yazyka : v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoy. M., 1985–1988.
10. Vocabolario Treccani.it. URL: <http://www.treccani.it/vocabolario>
11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. M., 1999.
12. Ushakov D.N. Tolkovyy slovar'. URL: <http://www.dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov>
13. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. URL: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-intro.html>
14. Sklyarevskaya G.N. Metafora v sisteme yazyka. SPb., 2004.